Хезмәткә һәм халыкка багышланган гомер.Часть 5. Мәхмүтова Альта Хаҗи кызы

Елабуга. Педучилище

Были и хлопоты другого порядка. Этой весной я окончила седьмой класс, и на семейном совете решили, что я буду поступать в Елабужское педучилище. К этому времени старшие брат и сестры уже жили отдельно от нас. Шариф абый служил в армии и жил с семьей в Карелии, Назия апа вышла замуж за односельчанина Насифуллина Гарая, а Рамзия апа с семьей жила в Березниках Пермской области. У родителей было слабое здоровье. Им же нужно было вырастить еще нас троих – двухлетнюю Анису, одиннадцатилетнюю Алису и меня. Мне исполнилось 14 лет, и родители решили, что пока они в силах содержать нас, нужно, чтобы я получила надежную профессию в Елабужском педучилище.

Я согласилась и приняла это как должное, так как еще в семь лет решила стать учительницей. К тому же и моя подруга Вера тоже решила поступать в техникум. В Елабуге жили мамин брат Шагвали абый с семьей и бабушкой Сарой. Передав меня на попечение бабушки, родители продолжили хлопоты со строительством дома. Бабушка, почти не знавшая русского языка, тем не менее сопровождала меня всюду — и в фотоателье, и в приемную комиссию...

Старинный купеческий городок Елабуга, находившийся в 35 километрах от нашей деревни, был мне знаком с детства — почти каждое лето меня брали туда погостить. Я очень любила эти поездки, хотя это было долгое и утомительное путешествие, и всегда упрашивала маму взять и меня при ее посещениях Елабуги (как правило, на учебу). Мы сначала пешком или на попутной повозке добирались до пристани Тихие Горы, находившейся рядом с Бондюгой. Там ожидали прихода парохода (точного расписания их прибытия не было, и иногда приходилось ожидать почти сутки, чтобы проехать около полусотни километров до Елабуги). От пристани до дома дяди надо было также добираться пешком (примерно три километра). Ни о каком общественном транспорте, кроме пароходов, мы тогда и не знали. Имелся и сухопутный маршрут, но он был почти непреодолим для нас с мамой. Можно было, конечно, рассчитывать "на везение" — появление "попутки", но машины ходили очень редко (как правило, это были так называемые "полуторки" с грузом) и не всегда брали "пассажиров". Постепенно машин на дорогах становилось больше (и я взрослела), и к концу 40-х годов мы все реже пользовались речным путем...

Елабужское педучилище располагалось в красивом четырехэтажном здании, построенном еще на рубеже XIX-XX веков елабужсками купцами Стахеевыми для епархиального училища. Педучилище занимало его левое крыло. Основная же часть здания с главным входом принадлежала учительскому институту. Вход в педучилище был со двора. В Приемной комиссии документы принимал ее секретарь - очень старый мужчина, как будто вышедший со страниц чеховских рассказов — седой как лунь, с чеховской бородкой, в чесучовом костюме, весь светлый, маленький (я бы сказала даже "щупленький") - настоящий земский интеллигент, каким я уже тогда представляла героев чеховских произведений. Употребить в его отношении слова "старик" или "дед",

назвать его "дедушка" или "дяденька" казалось невозможным — он был как-то "вневременным" что ли (сейчас я бы сказала "кощунственным").

С нами, неуклюжими стеснительными подростками, держался он очень естественно, что еще больше увеличивало нашу панику от смущения. Я на всю жизнь запомнила его слова, обращенные ко мне. Записывая мои биографические данные в журнал, он внимательно осмотрел меня с головы до ног, добродушно хмыкнул и сказал: "Да-а-а, родители дали Вам имя по Вас...", чем меня очень сильно смутил и озадачил. Я не знала, как принять этот осмотр и его вывод, но переспросить не решилась. Я, конечно, знала, что у меня очень редкое имя, взятое из фильма "Последний табор", который родители посмотрели незадолго до моего появления на свет. Но что значили его слова? Я твердо решила, что если я поступлю в педучилище, то обязательно спрошу его, что значили его слова. Откуда мне, деревенскому несмышленышу, было знать, что он просто имел ввиду русское значение моего имени (только спустя десяток лет, уже изучая древнюю латынь на истфаке университета, я нашла ответ на возникший у меня тогда вопрос: "альта", оказывается, переводится как "высокая", а я к четырнадцати годам сильно вытянулась в рост).

Принятые в училище были разделены на четыре класса - три татарских и один русский, при зачислении в который оказался значительный конкурс. Сдав успешно вступительные экзамены и изрядно поволновавшись, я была принята в число учащихся русского класса. Однако удовлетворить свою любознательность я не смогла, так как этого человека уже не было в живых — мне сказали, что он в конце августа умер

Все иногородние первокурсники жили в общежитии. Оно располагалось на четвертом этаже этого же здания. В большой комнате нас жило 26 девочек. Каждой из нас выделялась кровать (они были установлены попарно) и половина тумбочки. Этого нам вполне хватало, так как у всех у нас было очень мало вещей – только самое необходимое. Существовала обязательная форма одежды для учащихся (для девочек это было коричневое или темносинее платье с белым воротником и манжетами, и черный (для каждого дня) и белый (праздничный) фартуки. В училище был строгий распорядок дня, видимо, складывавшийся издавна. Занятия начинались с обязательных физ- и муззарядки, каждая из которых была по 15 минут. Затем шли уроки по расписанию. После обеда учащиеся были заняты или в различных кружках, или подготовкой к урокам. Были обязательные для всех занятия в хоре, обучение игре на мандолине (правда, они продолжились лишь полгода). Давали нам и трудовые навыки (так, я помню, что в столярной мастерской я даже самостоятельно сколотила табурет). Неделями мы почти не выходили из здания (как мы тогда говорили, "в город"): классы для занятий располагались на первых трех этажах, на третьем этаже прямо под нашей комнатой находился огромный читальный зал, в полуподвале правого крыла были институтская столовая и буфет.

Субаевлар нэселеннэн бер торкем

В те времена жизнь в Елабуге мало чем отличалась от деревенской — многие жили своим хозяйством, держали домашнюю живность, по утрам даже собиралось стадо и уводилось за город. Улицы были также похожи на сельские - заросшие травой, транспорта никакого не было, даже грузовые полуторки встречались редко. Основное отличие - электрическое освещение. В магазинах полки, как правило, были пустые. Я помню, как даже осенью 1954 года, не успев сдать колхозное зерно, мы вынуждены были остаться в городе и не нашли в магазине ничего съедобного, кроме панировочных сухарей. Если появлялись какие-то продукты (как тогда говорили - "выбросили"), то тут же вырастали большие очереди, и все моментально раскупалось. Поэтому "в город" мы обычно выходили только в кино.

Теперь я еще реже бывала в деревне: ее от Елабуги отделяли 35 км; чтобы добраться до нее, точнее, до Бондюги (а дальше ждал уже привычный пеший путь), нужно было часами ждать попутную машину. Мы забирались в загруженный кузов и с ветерком добирались до деревни Мунайка или, если повезет, до Бондюги. Об опасностях (технике безопасности) тогда никто не думал. Но такие поездки случались редко, так как не успеешь добраться до дому, уже нужно собираться обратно. Кроме того, осенью в сентябре и все воскресенья до зимы мы были заняты на уборке урожая в подшефном колхозе им. Бехтерева в деревне Сарали.. Сократились и мои летние каникулы — один месяц мы также должны были «отрабатывать» в подшефном колхозе. Так я продолжала все больше отдаляться от родной деревни. Алиса же повторила мой путь — ее отдали в пятый класс той же первой школы в Бондюге. Таким образом, в Бизяках остались только родители и маленькая Аниса.

Коллектив преподавателей в училище был опытный, большинство получило образование еще до революции и работало с самого основания училища. Например, оказалось, что очень колоритная фигура в училище, заведующий учебной частью Фома

Иванович Иванов в 30-е годы учил еще мою маму, а затем и брата. Хотя у нас он никаких уроков не вел (он работал с татарскими группами), при встрече в коридоре он всегда интересовался моими делами. Не менее колоритным запомнился преподаватель курса под названием «Общее землеведение» Петр Петрович. Чего только не входило в этот курс! Здесь были и основы астрономии, геологии, минералогии... Нам рассказывали и о строении Земли, и о флоре и фауне, хотя преподавались и отдельные дисциплины биологии. Глубоко изучались все предметы, касающиеся начальной школы. Особое внимание уделялось арифметике (которая в училище носила название математика) и русскому языку. С математикой нам повезло - очень опытная учительница (к сожалению. я не помню ее имени), как говорили, еще с гимназическим образованием, проводила такие интересные уроки, что вскоре все мы увлеклись решением сложнейших математических задач.

Но нам, к сожалению, не повезло с учителем русского языка. Уроки были серые, однообразные, длились бесконечно долго. А класс подобрался довольно сильный, особенно городские девочки (Света Трубачева, Тоня Буйлова, Рая Нужина). Нам быстро стало очень скучно (мои знания по русскому языку, благодаря школе Марии Михайловны Юрловой, были не меньшими). Первые два курса мы без особого усердия посещали эти уроки (с дисциплиной у нас было строго), а на старших курсах начали придумывать всякие «развлечения». Наша В.П. заочно училась в Казанском пединституте, но готовиться к урокам у нее практически не было времени - дом, хозяйство, семья, дети, требовательный муж, занимавший важную должность в городе... Педагогическое же влечение, не говоря уже о таланте, у нее просто отсутствовало.

Как я понимаю теперь, при достаточно посредственном уровне знаний по своему предмету наша В.П. плохо владела педагогическими приемами. На уроках она использовала печатные методички, где не всегда были нужные ответы. Особенно «хромала» у В.П. пунктуация, и мы решили воспользоваться этим для мести за несправедливое отношение к слабым ученикам. Вроде бы мы не выходили за рамки темы урока. Для анализа мы заранее подбирали сложные предложения со множеством знаков препинания из произведений русских писателей и просили В.П. разобрать их на уроке. Чаще всего зачинщиками этих «шалостей» были Света Трубачева и я, а остальные с удовольствием принимали участие в наших «играх». Кто-то из нас выходил к доске, писал свое предложение. А дальше нужно было объяснить правило, почему здесь нужно поставить тот или иной знак (например, тире, а не двоеточие). Самое интересное начиналось, когда В.П. вызывала к доске других учениц. Мы терпеливо выжидали, когда В.П. поставит им оценку, а затем начинали свое «представление»: допущена ошибка (по такому-то правилу там-то нужен другой знак) и убеждали всех. Иногда, чередуясь, мы со Светой заставляли поменять знаки три-четыре раза (насколько у нас разыгрывалась фантазия, и хватало времени урока). Почему мы так поступали? Во-первых, В.П. издевалась над слабыми ученицами, и, как нам казалось, мы так ее наказывали. Во-вторых, те, кто не успел подготовиться к уроку, а их могли вызвать к доске, просили нас затянуть урок. В-третьих, нам просто было весело - скучный урок мы превращали в живой, интересный, при этом мы же узнавали много нового. То же, что рушился план урока, что В.П. злилась, нас меньше всего беспокоило. Да, подростки тоже могут быть очень злыми и часто поступают жестоко по отношению к нелюбимым учителям!

Отличалась своими глубокими знаниями и любовью к предмету преподаватель педагогики Клавдия Ивановна. Ее мы любили и принимали от нее с пониманием даже наказания. Так, на всю жизнь запомнился урок, который она на моем примере решила дать всему классу. Мне занятия нравились, но училась я, как и многие другие, не очень стабильно (то-есть, домашние задания готовила от случая к случаю, когда ждала вызова к доске). Вызванная к доске в понедельник (5 уроков в неделю), я уверенно получила очередную «пятерку». Во вторник меня вновь вызвали отвечать, получила «четверку», в среду - «тройку», а в четверг отказалась от ответа. В принципе я могла получать «тройки-четверки» и в дальнейшем (память у меня была хорошая, и новый материал, услышанный на уроке, я могла повторить почти слово в слово), но «взыграло» мое упрямство: посчитав, что К.И. поступает со мной несправедливо, я отказалась от участия в этой «игре». А дальше К.И. «забыла» про меня надолго. Получалось, что я тянула успеваемость класса назад, но отказывалась просить о пересдаче, хотя всегда была готова к ответу. Лишь вмешательство завуча в конце полугодия помогло решить наш конфликт. Однако надо признать, что дружески-уважительные отношения, установившиеся между нами после этого случая, сохранились до конца учебы.

Педагогические дисциплины в училище изучались очень глубоко. Сначала мы знакомились с историей педагогики, где разбирали учения педагогов разных стран, начиная с древнего мира (Египет, Афины, Спарта, Рим и т.д.) и кончая советским периодом. Подробно анализировали учения Яна Амоса Коменского, Иоганна Генриха Песталоцци, Ушинского, Л.Н.Толстого, А.Макаренко и других. Уже со второго семестра нас распределили по классам базовой начальной щколы, где мы должны были привыкнуть к школьной атмосфере, для чего необходимо было не менее одного раза в неделю после уроков посещать школу. С третьего семестра у нас началось глубокое изучение теоретических и практических основ педагогики.

С теорией и частично практикой мы знакомились на уроках в училище. Один учебный день мы полностью проводили в базовой школе, где должны были знакомиться с обязанностями учителя, научиться азам учительской работы, помогать «своему» учителю готовить и проводить внеклассные мероприятия... На втором же курсе нас

распределили уже по городским школам, где в течение двух недель в четвертом семестре мы проходили пассивную практику (мы сидели на всех уроках, которые проводила учительница, затем анализировали их и рассматривали другие возможные варианты урока). На третьем (2 недели) и четвертом (4 недели) курсах у нас была уже активная практика, когда мы полностью выполняли обязанности учителя, а учитель осуществлял методическое руководство. Как правило, активная практика проходила в тех же классах, учеников которых мы уже успели узнать во время пассивной практики, что, несомненно, способствовало успеху наших пробных уроков...

Еще один человек, сыгравший значительную роль в моей жизни в этот период - это наш библиотекарь Карима Ивановна. В училище была богатая библиотека, начавшая складываться еще в дореволюционное время и постоянно пополнявшаяся как учебной, так и художественной литературой. Придя с зимних каникул (пешком 35 км!) на день раньше, я спустилась в библиотеку. К.И. попросила меня помочь разобрать только что пришедшие книги. Так началось мое тесное общение с К.И. и постепенное обследование недр библиотеки. Так я постепенно узнала о наличии в ней дореволюцонных книг, которые нам не выдавали: это были повести и романы Л. Чарской, Г. Данилевского, Н. Загоскина, И. Лажечникова, Е. Нагродской и других, которые запоем читали епархиалки. Помогая К.И. при каждом удобном случае, за три с половиной года я научилась почти всем премудростям библиотечной работы, за что получила право безо всякой записи брать домой любую книгу. Читала я бессистемно, все подряд постоянно, даже на уроках, особенно на первом-втором курсах. Это, естественно, отрицательно влияло на мою успеваемость (мама, приехавшая на сессию и решившая навестить меня в училище, долго попрекала меня тем, что я даже на письменный экзамен по математике пришла с какой-то толстенной книгой).

1951-1955 годы — время моего взросления. В эти четыре года менялась не только я, менялась жизнь в стране, залечивавшей страшные раны войны. Умер Сталин. Нас собрали на панихиду в зале училища, где наша молодая классная руководительница всячески пыталась «выжать» слезы из сухих глаз, а мы еле сдерживали смех, так как ее не любили. Смерть Сталина запомнилась мне и коллективным приемом всех хорошо учившихся учащихся в комсомол. Так я стала комсомолкой только почти в шестнадцать лет. Хотя мы учились уже на третьем курсе, до этого события комсомольцев в группе было очень мало. В руководящей ею «тройке» комсорг особой активности не проявлял, нами в основном «командовали» староста и профорг (в профсоюз работников народного образования нас всех записали уже 1сентября 1951 года).

В селах и городах постепенно приводились в порядок обветшавшие жилища, обустраивались дороги, по которым бегало все больше машин. Все это можно было наблюдать и в Елабуге. Вот в 1953 или 1954 году появился первый городской автобус, ходивший от института до пристани и обратно (с некоторыми изменениями этот маршрут сохранился до сих пор). Но между районными центрами автобусов все еще не было, и мы, чтобы попасть домой, часами продолжали ждать попутную грузовую машину. Эти ожидания иногда скрашивали разговоры между случайными попутчиками. Мне на всю жизнь запомнилась одна из многих встреч. В мае или июне 1954 года я между экзаменами решила съездить домой. На развилке на выезде из Елабуги в ожидании попутки со мной заговорил мужчина лет пятидесяти. Явный интеллигент, он вежливо стал расспрашивать меня о моем житье-бытье. Я отвечала очень скованно, нехотя.

Тогда он перешел на свою личность, спросив, не знакомо ли мне его лицо. Получив отрицатеьный ответ, он представился: "Я Рашид Вагапов". Я, естественно, знала известного татарского певца по его песням, звучавшим и по радио, и на пластинках. Безмерно удивившись тому, что известный артист ждет, как рядовой гражданин, попутку, уже я сама стала задавать ему вопросы (телевидения тогда не было, на татарские концерты я ходила только в деревне, артисты, тем более казанские, были для меня людьми иного мира...). Оказалось, что он со своей группой накануне давал концерт в Елабуге, ночью группу перевезли в Бондюгу (теперешний Менделеевск), а он остался в Елабуге завершать дела. В оживленной беседе незаметно пролетело время, и вот уже мы вместе, как близкие знакомые, стоим в кузове полуторки. Мы говорили о многом, но из всего разговора мне особенно запомнился его совет готовиться продолжить учебу (не много, не мало - аж в самой Москве в Институте Востоковедения! - о существовании которого я даже не подозревала). По его совету я даже написала в его приемную комиссию, однако ответа не дождалась...

Работавший в Елабуге двухгодичный учительский институт, выпускавший учителей для неполных средних школ, еще в 1953 году был преобразован в четырехгодичный пединститут, в котором было два факультета — филологии и физмат. Пединститут постепенно вытеснял и наше педучилище. В 1955 году я окончила педучилище и получила диплом учительницы начальных классов. Наш выпуск был последним — существовавшее с 1917 года Елабужское педучилище (в разные годы оно и называлось по-разному — курсы, педтехникум ...) было закрыто, учащиеся первоготретьего курсов были переведены в другие училища (татарское отделение — в Мензелинск, русское — в Тетюши). Почему-то строгого распределения на работу для нас

(русской группы) не было, нам дали «свободные» дипломы. Это значило, что вместо обязательной трехгодичной отработки направления на работу мы должны были самостоятельно искать себе место работы или продолжать учебу в вузе.

Такая возможность пробудила мамино желание продолжить без перерыва мое образование в Елабужском пединституте (она всегда была сторонницей высшего образования) на любом из двух факультетов. А мне, наоборот, захотелось попробовать себя в деле, проверить, получится ли из меня настоящая учительница — как мама, как моя любимая учительница Амина апа. Тем более, что я уже с одиннадцати лет жила самостоятельно, принимала собственные решения и привыкла считать себя вполне взрослым человеком. Заявив родителям о своем желании, я присоединилась к группе наших девочек

Я помню, как в поисках места работы мы писали в разные отделы народного образования по всему Советскому Союзу. При этом юношеская романтика толкала нас искать место работы как можно дальше от дома - в Сибири, на Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии. Получив приглашения, в конце-концов мы, 9 или 10 девушек, почему-то, решили поехать в Среднюю Азию (там приглашения и обещания «подъемных» были и из узбекских, и из киргизских облоно) — видимо, в то время среди нас стала очень распространенной фраза из нового фильма об эпохе гражданской войны «там тепло, там яблоки...». Договорившись встретиться в Елабуге 1 августа с вещами и отправиться всем вместе в путь, мы разъехались по домам готовиться к отъезду.

Наши родители, услышав, куда собрались их повзрослевшие дочери на работу, почти все были в шоке. Мои родители хотели, чтобы я продолжила свое образование в Елабужском пединституте, а я же «рвалась на волю» - хотела сначала испытать себя и

поработать в школе. В принципе, были правы обе стороны — можно было попытаться продолжить учебу (сомнений, что я поступлю, не было, я училась хорошо), можно было и поработать какое-то время. Но тут «нашла коса на камень» - каждый решил настоять на своем (мама настолько разошлась, что решила сама отвезти мои документы в институт - еле удалось убедить ее в том, что мне ничего не стоит провалить экзамен). Пока я вела очень жесткую борьбу с родителями, наступило 1 августа - прошел срок подачи документов в пединститут, чего очень хотела мама, и уехали восемь моих подружек, потеряв еще одну из нас - елабужанку, которую также не пустили родители.

Таким образом, в моей «борьбе» с родителями обе стороны понесли потери - маме не удалось уговорить меня продолжить учебу, а я не смогла поехать с девочками в Среднюю Азию работать. Следовательно, надо было искать работу здесь. На семейном совете решили, что надо ехать в Казань, в министерство народного образования. К тому же я еще не окончательно простилась с желанием поехать работать в Среднюю Азию. Дело в том, что в Казани находился на сессии мамин младший брат Вали абый, живший в Джелалабаде (Киргизия) и учившийся заочно в Казанском пединституте. Я стала уговаривать родителей отпустить меня с Вали абый. После долгих разговоров родители, как мне казалось, были вынуждены уступить. И я поехала в Казань с мыслью, что все утряслось. Однако опытные взрослые перехитрили меня - для меня не нашлось билетов в ташкентский поезд, и Вали абый уехал один. У меня же начинался новый этап в жизни. Вся моя дальнейшая жизнь и работа оказались связаны с Казанью.

Знакомство с Казанью. Первое десятилетие

Несколько успокоившись, я направилась в Кремль, в министерство народного образования, как и планировалось родителями. Встретившаяся в длинном пустом коридоре миловидная женщина средних лет на мой вопрос об отделе кадров велела мне подождать ее возвращения. Вернувшись, она привела меня в просторный кабинет с большим столом и другой очень хорошей мебелью (даже мне было ясно, что попала я не в отдел кадров), усадила за этот стол в удобное кресло напротив себя и начала расспросы. Не знаю, чем я заинтересовала эту приятную женщину, чем-то похожую на мою маму и явно занимавшую какую-то важную должность (сама она не назвала ее, а спросить я не осмелилась). Мы беседовали очень долго. Она подробно расспросила меня о родителях, о Елабуге, о педучилище, о моих планах на будущее, как будто в ее жизни не было ничего важнее беседы со мной.

В конце она спросила, не хотела ли бы я остаться учительствовать в Казани. Я откровенно ответила, что Казань мне не нравится и что я хотела бы работать где-либо поближе к дому. В ответ она засмеялась, назвала меня дурочкой и сказала, что десятки выпускниц университета и пединститута посчитали бы за счастье получить такое предложение. А поближе к дому — это, значит, я попаду в маленькую русскую деревню, где будет счастьем выйти замуж за тракториста и всю жизнь стирать промасленные комбинезоны. Спросив, есть ли у меня в Казани кто-либо, могущий дать хороший совет, она отправила меня подумать и придти с ответом родителей. Только выйдя из кабинета, я узнала, что была на приеме у министра просвещения ТАССР Валиуллиной Амины.

Во время следующего моего посещения я от имени родителей поблагодарила Амину апа за заботу об их дочери, но упрямо твердила о своем нежелании жить и работать в Казани. После зеленой провинциальной тихой Елабуги она пугала меня. На этот раз Амина апа не стала долго уговаривать, лишь еще раз назвала меня дурочкой и сказала: «Ты еще всю жизнь будешь благодарить меня за мое вмешательство в твою судьбу» и дала направление на работу учительницей начальных классов в казанский городской отдел народного образования.

Затем начались перепитии с устройством на работу. Видимо, чиновников от образования несколько настораживал юный возраст восемнадцатилетней учительницы, и мне уже в отделе кадров Казгороно предлагали то работу пионервожатой, то библиотекаря. Но я упорно соглашалась только учительствовать. На все у меня был единственный ответ — меня четыре года готовили для этой работы и в направлении от министерства речь тоже идет об этом. С работой же пионервожатой и библиотекаря я не знакома, следовательно, и с работой не справлюсь. Это вызывало смех, разговор казался несерьезным, тем более, что я выглядела не более чем ученицей девятого класса... Но в конце концов из гороно мне дали направление в Кировское РОНО. В результате с 25 августа 1955 года я была назначена учительницей первого класса школы №50 города Казани. Только после этого я поехала домой в деревню за вещами, а в Казани Ркия апа (жена брата мамы) нашла мне квартиру прямо в центре Казани у одной учительницы на четвертом этаже дома № 7 по улице Куйбышева.

Сама Ркия апа с матерью и дочерью жила тоже недалеко, в полуподвальной квартире в доме № 8 по улице Бутлерова, работала она билетером в знаменитом кинотеатре «Вузовец» на «Кольце», и я часто пользовалась возможностью бесплатно посмотреть фильмы. Осенью этого же года она устроилась билетером в татарский академический театр им. Г.Камала, и я стала постоянной ее спутницей — посетительницей театра (видимо, возвращаться поздно ночью после спектакля вдвоем было веселее, а Ркия апа стала таким образом приучать меня к татарской культуре). Вообще Ркия апа взяла на себя всю заботу о моем устройстве в Казани, знакомстве с городом.

Школа № 50 г.Казани была совершенно новой, открылась она в сентябре 1954 года в Кировском Заречье, где с начала 50-х годов началось строительство микрорайона сталинских пятиэтажек у знаменитых Красных ворот, поставленных к столетию Порохового завода. Она соответствовала новым полнометражным квартирам, но была всего лишь двухэтажной и вскоре должна была заполниться родившимися после Победы детьми. Уже в сентябре 1955 в школу приняли три первых класса, переполненных детьми (так, например в моем 1 «В» классе было 47 учеников — 27 мальчиков и 20 девочек — это в классе у 18-летней учительницы, не успевшей еще проработать ни одного дня!). Для девочек уже были приняты школьные формы — коричневые платья с белыми воротниками и манжетами, а также черный и белый фартуки. К тому же головы девочек украшали разной длины волосы и бантики — тоесть, я довольно быстро запомнила по составленной мной схеме их расположение. А вот с мальчиками было намного сложнее: во-первых, для них еще не была принята школьная форма, и все они были одеты в вельветовые курточки черного, коричневого,

темносерого и темносинего цветов разных оттенков и одинаковая небольшая челочка на голове. Во-вторых, их было на семь человек больше.

Первые десять лет моей жизни в Казани оказались достаточно четко распланированными по времени. Во-первых, я обещала родителям, что если мне понравится учительская работа, я продолжу работать и поступлю через четыре года на заочное отделение в университет, так что к 1965 году получу диплом университета. Правда, я тогда еще не была уверена в том, кем стану – филологом или историком. Эту проблему решили правила приема в университет – в педучилище у нас не было иностранного языка, а его необходимо было сдавать для учебы на отделении филология. И хотя филология (особенно языковедение) нравилась мне больше, и экзаменаторы оценили мои знания на «отлично» и рекомендовали выбрать все-таки ее для поступления, я остановилась в изучении истории. Эти десять лет я проработала в школе, в 1965 году заочно окончила истфилфак Казанского университета. Была принята в том же году в аспирантуру по кафедре истории СССР, защитила в 1971 году кандидатскую диссертацию на тему «Борьба за женское светское образование у татар (1861-1917 годы)». С 1968 по 2010 год преподавала в университете: была ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. Сейчас на пенсии. За все эти годы ни разу не пожалела о своем выборе.

Махмутова Альта Хазиевна, Елабуга, 2021 год